

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

КАЦНЕЛЬСОН С. Д.

К ПОНЯТИЮ ТИПОВ ВАЛЕНТНОСТИ *

Для более глубокого проникновения в сущность грамматического строя важнейшим формальным ориентиром являются формы соединимости или сочетаемости. Соединимость в принципе бывает двоякого рода: соединимость положительная и отрицательная (т. е. соединимость и несоединимость), а также соединимость с разного рода формальными элементами и соединимость слов данного разряда со словами других разрядов. Соединимость полнозначных слов с формальными элементами (например, с предлогами или послелогами) создает своеобразные «словосочетания», сопоставимые с формами слов, в результате чего синтаксическая морфология такого типа сближается с лексической морфологией. Соединимость другого рода, в которой участвуют различные полнозначные слова, остается в рамках синтаксической морфологии. Соединимость или сочетаемость этого рода мы выделим под именем валентности. Именно валентности мы придаем исключительное значение в плане выделения «скрытых категорий» в разноструктурных языках.

В языках синтетических валентность предполагает соединимость словоформ знаменательных слов, поскольку, как правило, в таких языках каждое слово, входящее в состав атрибутивного словосочетания или предложения, синтетически оформлено. Синтетическая морфология накладывает печать своеобразия на валентность, в силу чего в синтетических языках приходится различать валентность формальную и содержательную. В языках аналитических структура валентности более прозрачна и формальных накладок на содержательную валентность гораздо меньше, в силу чего она выступает здесь в незатемненном виде.

Валентность можно определить как заключающуюся в лексическом значении слова синтаксическую потенцию т. е. способность присоединить к себе другое категориально вполне определенное полнозначное слово. В принципе каждое полнозначное слово способно сочетаться с какими-либо другими полнозначными словами. Но валентность — это нечто большее, чем способность вступать в синтаксические отношения. Каждое слово обладает способностью сочетаться с другими словами, и эта способность фактически реализуется в беспредельном числе высказываний. Под валентностью мы имеем в виду подразумеваемое значением слова

* 30 декабря 1985 г. скончался крупный лингвист-теоретик Соломон Давидович Кацнельсон, ставший еще при жизни одним из классиков советского языкознания. Комиссия по творческому наследию ученого готовит к печати ряд его трудов. Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена понятию валентности, введенному С. Д. Кацнельсоном в обиход лингвистической теории в 1948 г. (см. его работу «О грамматической категории» — Вестник ЛГУ. 1948. № 2). Текст данной статьи подготовлен к печати С. М. Кибардиной.

или имплицитно содержащееся в нем указание на необходимость восполнения его словами определенных типов в предложении. Валентностью с этой точки зрения обладают не все полнзначные слова, а только те из них, которые сами по себе дают ощущение неполноты высказывания и требуют восполнения в высказывании. Уже традиционная грамматика подошла к понятию валентности во многих случаях, хотя и не обобщила это понятие. А. А. Потебня, раскрывая понятие глагольной транзитивности, указывал на необходимо содержащееся в глаголе требование объекта. Оспаривая мнение Ф. И. Буслаева, согласно которому глагол *читать* в предложении *Он уже читает* употреблен в непереходном значении, Потебня писал: «Не договаривая дополнения при объективном глаголе, мы не делаем этого глагола субъективным, потому что нисколько не изменяя этим самого глагола, мы, так сказать, оставляем при нем пустое место для объекта: *он уже читает* — что бы то ни было, но нечто такое, что, выраженное именем, стояло бы непременно в винительном падеже» [1]. Мы находим здесь применительно к переходному глаголу то понятие «пустого места», которое позднее в более общей форме сформулировано рядом исследователей не только в языкознании, но и в логике [2].

Валентность — это свойство значения, в котором как бы содержатся «пустые места» или «рубрики», нуждающиеся в восполнении, как рубрики в анкете. Слово, обладающее валентностью, предполагает возможность его «дополнения». «Дополнение» в этом смысле не следует смешивать с другим грамматическим термином «дополнение» (объект), так как в роли заполнителя «пустой клетки» при глаголе выступает и субъект, а в ряде случаев и так называемое обстоятельство. Но в самом термине «дополнение» (франц. *complément*, нем. *Ergänzung*) как обозначении объекта — во внутренней форме этого термина — скрывается намек на идею дополнительности и, следовательно, предчувствие идеи валентности.

Необходимо различать валентность формальную и содержательную. В первом случае валентность связана с определенной словоформой и обусловлена элементами синтетической морфологии в данном языке. Во втором случае валентность зависит исключительно от значения слова и, следовательно, ни в каком подчинении морфологии языка не находится. Формальная валентность не всегда совпадает с содержательной, поэтому в ряде случаев переход от формальной валентности к содержательной требует специальных процедур редуccionного плана.

Примером формальной валентности может служить определяемое слово в изафетной конструкции ряда языков. Так, в курдском диалекте мукри определяемое в изафетной конструкции оформляется изафетным показателем *-i*, ср.: *malî gewre* «большой дом», *babî min* «мой отец», *banî matê* «крыша дома» [3]. Поскольку определяемое имеет здесь определенное оформление, постольку форма его предполагает, что данному слову необходимо должно сопутствовать определение. Таким образом, при такой форме имеется «пустое место», заполняемое в речи определением. В языках, где наличествуют соответствующие формы для выражения определительных слов, формальной валентностью будут обладать не только определяемые слова, но и определения. Поскольку в русском, например, существуют морфологически вычлняемые прилагательные, то последние в тех случаях, когда они не подвергаются субстантивации, предсказывают появление рядом с собой определяемого имени в тексте. На деле, однако, в русском обстоятельстве несколько сложнее. Прилагательное как атрибутивная форма требует определяемого в предложении, но в части согласования (в роде, числе и падеже) господствующим словом, т. е. облада-

телем валентности, остается здесь существительное. Если же рассматривать соотношение определительных и определяемых слов в содержательном (т. е. семасиологическом) плане, то господствующим в плане валентности словом будет определительное слово (т. е. слово, выражающее признак, качество, а не предметность); что же касается предметных слов, то они валентностью не обладают, так как необязательно требуют сами по себе (т. е. в силу лишь одного своего значения) восполнения их определительным словом.

Поскольку содержательная валентность остается во всех языках одинаковой, а формальная, будучи функцией морфологического строя данного языка, в разных языках различна, то формальная (т. е. морфологическая) валентность может, в случае определительной конструкции, либо совпадать по своему направлению с содержательной валентностью, либо вступить в противоречие с ней, либо совпадать с ней только в некотором отношении.

Приведем еще пример. Падежные формы существительных, там где они существуют, обнаруживают определенную валентность. Так, форма именительного падежа заключает в себе предсказание о финитной форме глагола, форма винительного падежа — предсказание о переходном глаголе и т. д. Предсказания этого рода, впрочем, не очень устойчивы, так как формы падежей употребляются в разных функциях и их соединимость с другими словами не всегда одинакова. Форма именительного падежа может выступать и в безглагольном предложении (типа *Вечер. Тишина.* и т. п.), форма винительного падежа может стоять и при непереходном глаголе (как *Он спал всю ночь спокойно* и т. д.). Но элемент предсказуемости здесь все же есть. В содержательном плане, однако, господствующим в валентностном отношении, носителем функции валентности (или функции «правления» в самом широком смысле) является для предикативных конструкций глагол. В семантическом плане имя существительное не обладает никакой способностью предсказывать синтаксическую конструкцию. Чтобы убедиться в этом, достаточно в русском языке взять любое несклоняемое существительное, например, *бюро* или *эму*. Какую синтаксическую функцию они допускают? Любую, а следовательно, сами по себе не предсказывают никакой определенной конструкции. Другое дело глагол, который своим значением всегда предполагает одну вполне определенную конструкцию, если исключить полисемию¹.

Формальная валентность очень важна для описания характерологических особенностей данного языка. Она может колебаться даже в пределах валентности одного глагола в зависимости от существительного, с которым данный глагол сочетается. Ср.: *поступить в университет, но на факультет, на такой-то курс, поступить в школу, но на курсы* и т. д.; *поехать в Крым, но на Камчатку; в Исландию* (даже если имеется в виду не страна, а остров), *но на Сахалин; в Альпы, но на Кавказ; пойти в концерт, но на представление* и т. д. Идентичность каждой пары в плане содержательной валентности доказывается единством стержневого (управляющего) слова, в данном случае глагола, и коммутабельностью его дополнений, но идиоматика языка нарушает это единство в формальном отношении. Что же касается содержательной валентности, то она, будучи сформулирована в функционально-грамматических терминах, сохраняет силу для всех языков (по крайней мере, приблизительно одинакового уровня развития).

¹ Требования исключения полисемии и омонимизации значений управляющего слова впервые выдвинул А. А. Холодович [4].

Так, например, глаголы давания, такие, как *давать, продавать, посылать* и др., предполагают субъект давания (того, кто дает), адресат действия (того, кто получает) и объект давания (то, что один субъект отдает, а другой получает, или, другими словами, то, что переходит из рук, или, шире, из сферы обладания одного лица в руки или сферу обладания, принадлежности другого лица). Такое определение допускаемых глаголами этого типа «восполнений» не зависит от морфологии того или иного языка и носит поэтому универсальные черты. В таких языках, как русский, в предложениях с глаголами давания оформляется едва ли не каждое слово; ср.: *Он дал ему книгу*, где субъект давания выделен формой именительного падежа и первым местом в предложении, субъект получения выделен формой дательного падежа и вторым местом в предложении, а объект давания выделен винительным падежом и последним местом в предложении. Порядок слов в русском языке не имеет, как известно, грамматического значения, как в языках с твердым порядком слов; тем не менее так называемый прямой порядок слов не лишен полностью грамматической нагрузки, и, следовательно, различие названных функций выражается по-русски не только падежами, но и порядком слов, что делает один из способов выражения избыточным. Неудивительно поэтому, что многие языки обходятся вовсе без падежных форм.

Глаголы получения отличаются от глаголов давания только конверсией; иначе говоря, глаголы получения отличаются от глаголов давания не качеством именных «дополнений», или «актантов», глагола, — они здесь те же, что и в глаголах давания. Но отсчет «дополнений» производится теперь в другом порядке: на первое место, т. е. на место подлежащего в предложении, выдвигается теперь не даватель, а получатель, которые, таким образом, обмениваются теперь местами. В русском языке эта перемена может быть выражена не только местом подлежащего в прямом порядке слов, но еще и изменением падежной формы дателя; ср.: *Я одолжил ему деньги* и *Я одолжил у него деньги*; в сущности, лишь различие падежных форм («у кого», в отличие от «кому») препятствует смешению смыслов конструкций. Там, где конверсия выражается дополнительно значением глагола, к различию падежных форм добавляется еще различие значений. Ср.: *Я получила / взял у него деньги (книгу...)*. В случаях этого типа одно из средств выражения оказывается излишним, и можно представить себе язык, который различает оба типа — прямой и обратный (конверсивный) — только значением глагольного слова. Ср. кит. *гэй та цянъ* «дал ему деньги» и *чжай та цянъ* «занял у него деньги» [5], где различие синтаксических конструкций держится исключительно на лексических значениях глаголов. Перед нами здесь яркий пример того, как грамматическое значение «обращенной конструкции» (конверсии) скрыто содержится в значении слова [6].

Различие значений глагола *leihen* в немецком языке можно толковать двойко: можно считать, что различное управление (*leihen j-m* и *leihen von/bei j-m*) является здесь средством уточнения значений слова и устраниения полисемии. Но можно с тем же правом считать, что различное управление выступает здесь как средство конверсии и имеет не лексическое значение, а грамматическую функцию (такую же, как, скажем, в различии конструкций *он одарил их подарками* и *они были одарены им*, где эта функция выражается страдательным оборотом). Но если правомерны оба истолкования, то это значит, что в составе лексического значения могут скрываться грамматические элементы, которые выступают явно в одном случае и как бы запрятаны в значении в другом. Это значит еще,

что скрытые в значении грамматические функции могут быть выявлены синтаксически с помощью конструкций и их преобразований. Ср. еще русск. *жалеть*, в котором словарь (МАС) различает три значения: «чувствовать жалость, сострадание к кому-либо», «печалиться, сокрушаться, сожалеть» и «беречь, оберегать, щадить». И в этом случае различие значений опирается на различие конструкций. Ср.: *жалеть кого-либо*, *жалеть о ком-* или *о чем-либо* и *жалеть что-либо* или *чего-либо*, например: *Лубенцов до боли жалел ее; Я не жалею о нем; Он все денег жалел* (или: *деньги жалел*). Все эти различия могут быть выражены и в других языках, например, отдельными лексемами, ср.: нем. *bemitleiden* или *Mitleid haben mit* в одном значении; *bedauern* или *beklagen, traurig sein über* в другом и *schonen, sparen* — в третьем. Совмещение трех разных значений в русском *жалеть* не случайно; все три значения действительно связаны одно с другим, все они выражают в какой-то мере чувство душевной боли. Но в одном случае к этому основному значению присоединяется оттенок совместности действия (в нем. *Mitleid haben*), дважды выраженный с помощью глагольного префикса *mit-* и предлога *mit*; во втором случае этот дополнительный оттенок отсутствует и глагол выражает чувство боли, переживаемое субъектом состояние, а дополнение (о чем или о ком) выражает причину, вызывающую это состояние. Наконец, в третьем случае (*жалеть денег* или *деньги*, *не жалеть сил* и т. д.) — к основному значению присоединяется оттенок потенциальности и волеия, желания (*жалеть* в этом смысле значит «не хотеть, не желать отдавать», «до боли не хотеть», «испытывать чувство боли от одной мысли об утрате» и т. д.). Значения русского *жалеть* более далеки друг от друга, чем значения нем. *leihen* или значения глаголов *дать* и *взять* в русском, где разница чисто конверсивная. Тем не менее и в этом случае при попытке эксплицировать полисемически совмещенные значения мы наталкиваемся на ряд грамматических оттенков, таких как совместность действия (как в русском *со-страдание*, где этот оттенок выражен эксплицитно) или значение отрицательного желания, нежелания, боязни.

Конструктивные особенности употребления глагола в предложении и связанная с этим валентность глагола помогают раскрыть и некоторые другие «скрытые» грамматические особенности глагольного значения. Так, глаголы типа *переплести*, *покрасить*, *подковать* и т. п. с первого взгляда кажутся нам двухместными глаголами, при которых возможны два «актанта» или два «дополнения», а именно, указание на действующее лицо и на подвергающийся воздействию предмет. В действительности, однако, действия, выраженные такими глаголами, трехместные, и если мы этого сразу не замечаем, то только потому, что одно из глагольных мест запрятано в значении глагола и непосредственного выражения, как правило, не находит. Ср., с одной стороны, *переплести книгу*, *покрасить крышу*, *подковать лошадь* и т. п., и с другой стороны, *вклеить в книгу рисунки*, *покрыть дом шифером*, *набить на туфли подковки* и т. п. И в одном и в другом случае речь идет о фактивных глаголах оснащения, т. е. присоединения к предмету каких-то дополнительных средств. Глаголы оснащения или оборудования являются в принципе трехместными глаголами с местом для действующего лица, оснащаемого предмета и средства оснащения. В двухместных глаголах типа *переплести книгу* или *подковать лошадь* и т. д. на поверхности мы сталкиваемся с нехваткой одного места, обусловленной тем, что данное место поглощено глагольным значением и неявно содержится в нем. *Подковать* значит «подбить подкову», *переплести* — «сшить и снабдить переплетом»; *покрасить* — «нанести слой

краски на поверхность» и т. д. Эксплицировать недостающее место в таких глаголах можно не только путем словарного толкования отмеченных значений или перевода на другой язык, но и указанием на обратные действия «разоснащения», ср.: *сорвать переплет с книги, сбить подкову с лошади, сорвать краску с поверхности* и т. д. Мы видим, таким образом, что значение глагола может содержать в себе не только грамматические элементы, определяющие количество мест при глаголах данного типа, но фактически вмещать целые словосочетания с указанием на грамматическую связь между членами словосочетания. Так, в указанных глаголах снабжения с недостающим элементом скрывается глагол материального присоединения с заполненным местом для обозначения средства или орудия. Заметим еще, что морфологические способы выражения мест при глаголах данной группы не столь важны: в одних случаях при наличии всех трех мест мы имеем конструкцию типа *покрыть крышу шифером*, в других — типа *вдеть нитку в иголку*, в третьих — типа *набить подковки на каблуки*, в четвертых — *прицепить прицеп к трамваю* и т. д. При этом, однако, значение мест остается постоянным. (Ср. еще факитивные глаголы придания формы: *свернуть бумагу в трубку, сложить доски в штабеля*, но ср. *согнуть*, которое само по себе означает «придать чему-либо форму дуги или угла»; ср. глагол с дефективной или компрессивной валентностью *смять что-либо в ком* и т. д.).

Валентность предиката измеряется количеством открываемых им «мест», число которых в принципе невелико, их обычно не более трех-четырех. Все предикаты делятся на событийные, т. е. сводящиеся к выделению целостного события как такового, не вдаваясь в вычленение отдельных объектов, и предикаты, выделяющие объекты. Предикаты второго рода делятся на свойства и отношения. Предикаты-свойства одновалентны, они выражают такие события, которые совершаются в объекте, не выходя за его пределы, не требуют для своего проявления наличия других объектов. Это, выражаясь грамматически, предикаты непереходные, ср.: *падать, лежать, прыгать* и т. п. Предикаты относительные выражают события, которые разыгрываются между двумя или несколькими объектами, каждый из которых осуществляет в событии свою особую роль. Число участников события в таких случаях превалентно, важно число «ролей», в сумме составляющих событие. Так, событие «затопить» предполагает жидкость, как правило, воду, и район затопления. Ср.: *Вышедшая из берегов река затопила все прибрежные села*. Предикаты этого рода называются переходными. Они предполагают воздействие одного объекта на другие (ср. еще: *Буря повалила много деревьев* или *Бурей повалило много деревьев*). Количество участвующих в событии разнорольных объектов может быть больше двух. Ср.: *Плотник заколотил окно досками*, где каждый аргумент играет свою специфическую роль.

Из сказанного вытекает, что в принципе валентность не превышает двух-трех мест и что эти места определяются фундаментальным различием событийных предикатов, непереходных и переходных. Количество элементарных валентностей может увеличиваться за счет типов объектов, которые могут различаться. Глаголы обладания, например, предполагают наличие объекта владения (принадлежности), по типу отличающегося от объекта воздействия; глаголы воздействия обладают двумя объектами (воздействия и инструмента) и т. п. Если некоторые глаголы *дать, продать, снять (квартиру)* и т. п. обладают большей валентностью, то это потому, что они представляют собой модифицированное усложнение обычного глагола. Модификация таких глаголов означает обогащение их валент-

ности путем присоединения к ним дополнительной семы — по существу вопросительной. Так, *подарить* присоединяет к глаголу *дать* семы «даром» и «по какому-то случаю» или «в виде награды за услуги», «в знак благоволения». Такие семы представляют собой своего рода имплицитные предикаты, подразумевающие расшифровку с помощью дополнительного предложения, как бы отвечающие на скрытый в предложении вопрос (*с чего ради, по какому случаю, за какую услугу* и т. п.). Наслаиваясь на основной или стержневой предикат, такие моменты являются основой для усложненного предиката, включающего в себя, помимо стержневого предиката со свойственными ему валентностями, новые валентности. Ср. еще: *Вчера я получил письмо от брата из Тулы*, где четыре аргумента: *я, письмо, от кого, откуда*. Но уже здесь могут возникнуть сомнения относительно единства события. Является ли *из Тулы* аргументом предиката *получать*? Скорее это аргумент предиката *приходить*, нежели *получать*, ответ на вопрос: *откуда пришло письмо?*, чем на вопрос: *откуда получил?* *Получать* предполагает получателя, отправителя и объект отправления-получения; что же касается места отправления, то это скорее дополнительная роль, подразумеваемая не глаголом *получать*, по своей природе глаголом опосредованного взятия, а его каузативным коррелятом *отправить, посылать*, т. е. «сделать так, чтобы некто доставил мне письмо из Тулы».

«Место» при глаголе следует четко отграничить от обстоятельственной характеристики глагольного действия. Последняя отличается от места в принципе тем, что возможна при любом глаголе. Поскольку каждое действие совершается при известных обстоятельствах места и времени и т. д., то указание на эти обстоятельства может сопутствовать каждому глаголу и шире — предикативному слову. От обстоятельства времени, места и т. д. нужно поэтому строго отличать случаи, когда указание на время, место и т. д. являются необходимыми «дополнениями» к предикативному слову. Ср., например, глаголы *времяпрепровождения*, которые необходимо требуют временного дополнения. Ср.: *Он провел там два часа; Он прождал его целый час* и т. д. Соответственно могут быть предикаты пространственного дополнения, ср.: *Он прошел полем; Он находился тогда на Урале* и т. д. Ср. также предикаты, требующие орудийного дополнения (*воспользоваться, пустить в ход, использовать* и т. п.); предикаты цели [*пойти за (грибами, ягодами, водой, продуктами, покупками)* или *собрать грибы, отправить письмо* и т. д.]; предикаты причины (*умирать от, заболеть от, присутствовать по* и т. д.). Короче говоря, речь идет о предикатах, в значении которых уже содержится указание на то или иное обстоятельство, что открывает при таких глаголах вакансию для обстоятельственного «дополнения». Могут возразить, что выделение в качестве особых предикатов таких сочетаний, как *заболеть чем, заболеть от*, неоправданно, так как предлог будто бы не уточняет в данном случае значения глагола, а синтаксически относится к существительному, которым он управляет. Нам думается, однако, что предлог, так же как и падеж, может содействовать уточнению значения глагола. Если же морфология языка отделяет предлог от глагола в отличие от глагольных приставок или в иных языках послелогов, то, как мы думаем, только потому, что в синтагматическом плане вносимые предложениями добавочные грамматические признаки не исключают друг друга и могут совмещаться в одной фразе; ср.: *пойти в лес за грибами, отсутствовал в школе по болезни* и т. д. Ср. особенно совмещаемость многих предложных уточнителей при глаголах движения: *Прошел по набережной мимо университета до 1-й линии*

(где совмещаются значения *идти вдоль*, *идти мимо* и *идти до*). Прикрепление таких предложных уточнителей к глаголу привело бы к необходимости построить вместо только что приведенного предложения целых три предложения.

Доказательством того, что выделенные в особые типы подклассы предикативных слов несут грамматический, а не лексико-семантический характер, может служить то обстоятельство, что основанием для такой группировки явились признаки, отчасти уже выделенные в качестве грамматических традиционной грамматикой и грамматичность которых не вызывает поэтому сомнений. Таким признаком для глаголов давания и отнимания является принадлежность. Категория принадлежности давно выделена грамматикой в связи с атрибутивными сочетаниями принадлежности (*дом отца*, *мой карандаш* и т. п.), а также в связи с глаголами обладания (*иметь*, *владеть* и т. п.). Глаголы давания означают изменения в отношениях принадлежности при переходе объекта владения от одного обладателя к другому. В традиционное понимание принадлежности входит и отношение части к целому, а также родственные отношения. Что касается отношений части к целому, то здесь выделяется тип глаголов, выражающих либо присоединение части к целому, либо отнимание части от целого (ср.: *у него отняли руку*, *отрезали часть яблока* и т. д.); обратное отношение не всегда возможно в силу материальных причин, но ср.: *заменить лампочку в телевизоре*, *приделать ручку к двери* и т. д. Что касается родственных отношений, то здесь глаголы, выражающие переход принадлежности от одного субъекта к другому, невозможны по естественным основаниям.

Категория орудия и средства также выделена давно традиционной грамматикой в связи с падежами орудия и средства. В предикативных словах эта категория отражается в разных типах. Она обнаруживается, например, в словах, обозначающих общее использование орудий и средств (другие слова здесь невозможны, так как при любом глаголе воздействия возможно в принципе указание на орудие или средство, с помощью которого достигнут эффект).

От синтаксической валентности, определяющей характер и количество мест при предикативном слове и тем самым предопределяющей возможности развертывания предложения и, соответственно, атрибутивной группы, следует отличать соединимость иного типа, указывающую на парадигматические свойства предикативного слова. Свойства, приписываемые предикативному слову, в этом случае носят не совмещенный в линейном ряду, а альтернативный характер. Так, например, предикат движения или перемещения в пространстве может обладать свойством направленности или ненаправленности движения. В первом случае движение заранее ограничено определенным пунктом и имеет внутреннюю цель в виде достижения данного пункта, во втором случае — движение не упорядочено в смысле направления, а если и следует некоторому направлению, то лишено внутренней цели. В русском языке на этом моменте базируется различие «определенных» и «неопределенных» глаголов перемещения типа *идти* — *ходить*, которые указывают на направленность и ненаправленность движения. Ср.: *Он идет в школу* и *Он ходит по лесу*.

В ряде языков такие формы отсутствуют, но это не значит, что в этих языках отсутствуют всякие способы выражения этих различий. Это значит лишь то, что в таких языках уточнение относительно целенаправленности действия имеет место только в случае необходимости. В немецком, например, такое уточнение совершается по следующим правилам: если указана цель движения, то направленность не обозначается; если

цель не указана, то направленность обозначается либо с помощью эгоцентрических частиц *hin* или *her*, либо с помощью абсолютного показателя направленного движения (неситуативного или независимого от наглядной ситуации: *dahin*). Для обозначения ненаправленности движения используются уточнители [*auf und ab, hin und her, für sich hin (?) umher* и т. д.]. Такие уточнения, присущие определенной лексико-грамматической группе, выявленной на основании валентности (т. е. синтагматической сочетаемости предикативных слов), но свойственные предикатам такой группы только альтернативно, мы будем называть актуализирующими уточнениями, а выражаемые ими отношения — отношениями актуализации. В отличие от материально-семантических уточнителей типа *Он шел, слегка прихрамывая* или *Он шагал устало, понуро, медленно, с трудом* (ср. *брести* в отличие от *бродить*) такие формально-семантические уточнители покрывают всю группу глаголов перемещения. Кроме того, они характеризуют глагольное действие по линии валентности (направленный глагол допускает указание на пространственную цель действия и тем самым превращает глагол, сам по себе нейтральный в плане предельности, в глагол предельный, глагол с внутренним пределом).

Формальность, т. е. потенциально внешняя грамматичность такой характеристики связана, таким образом, с условиями лексикализации глаголов движения. Мы относим такие глаголы к числу предикативных слов с факультативными местами. Факультативность мест таких глаголов проистекает из совместимости целевых характеристик с пространственными и временными, с совместимостью разных пространственных «мест» одного с другими и т. д. Эта совместимость существенно влияет на правила лексикализации таких значений. Указание на «место» в этих случаях лучше отнести к имени, нежели к предикату, что создает впечатление независимости мест от предиката. Значения *идти* в *идти мимо* или *идти по, идти через, идти сквозь* обладают разнокачественными, но в принципе совместимыми местами, и это обстоятельство позволяет «оттянуть» указание на такие места к имени и сделать глагол в плане выражения нейтральным по отношению к его дополнителям. Трудно объяснить, почему в ряде случаев предлоги все же превращаются в приставки, хотя имеются и бесприставочные языки. Почему, например, рядом с *идти в* есть в русском *во-йти в*, рядом с *тянуть с* есть *стянуть с*, рядом с *нести под* есть *поднести под* и т. д. Объясняется это, по крайней мере в определенной части (т. е. поскольку речь идет о грамматическом, а не лексическом словообразовании), тем, что предлог в таких случаях превращает общее неопределенное значение глагола в предельное. Но предельный глагол в отличие от неопределенного имеет три измерения в маркированных временах, т. е. в прошедшем и будущем, а именно действие достижения предела, момент достижения предела, завершение действия в целом. Для предельных глаголов достижения в силу этого возникает необходимость выражения момента достижения предела. Такое выражение может быть достигнуто различными путями. Либо путем отнесения предлога (resp. послелога) к глаголу, превращения его в приставку или суффикс, либо же путем грамматикализации особых глаголов в функции выразителей достижения предела в глаголах перемещения. Последнее мы находим в китайском и семитских языках. Ср. в нем. *kommen* (но нет общего глагола удаления, *gehen* недостаточно обобщено, нельзя сказать *Er ging geflogen* аналогично тому, как говорят *Er kam geflogen*).

Предельные глаголы движения — это, собственно говоря, глаголы с внешним пределом. Предел обусловлен здесь не качеством глагольного

предиката как такового, не наличием в семантике самого действия непрерывного накопления элементов нового качества, а степенью приближения к определенной точке, являющейся не результатом действия, а целью действия. Это сближает глаголы направленности с длительными глаголами действия, которое может продолжаться в принципе сколько угодно долго, как повторение одних и тех же операций, и которое может иметь предел во времени (ср.: *копать 3 часа, за три часа накопили столько-то картофеля*), в количестве полученного продукта (*напили столько-то центнеров картошки*), в количестве обработанного материала (*вскопали весь участок*) и т. п. Сходство с глаголами движения обусловило, видимо, то, что и в этом случае приставка стала служить обозначением достижения предела. Что процесс использования приставок для этой цели начался в русском с глаголов движения, видно из того, что в предельных глаголах движения еще наглядно видна связь глагольной приставки с предлогом, ср.: *вложить в, поднести под, нанести на, отойти от, извлечь из* и др.

Другим примером соединимости, основанной на парадигматических свойствах предикативного слова, являются глаголы совместной деятельности (комитативные). Выражение простого сотрудничества, когда все деятели выполняют одинаковую или в принципе равную роль в выполнении действия, конструктивно не выделяются, так как такие случаи приравниваются к действию одного коллектива и могут выражаться собирательным именем субъекта действия или множественным числом. В рамках интересующего нас вопроса должны быть рассмотрены только случаи неравного партнерства, когда один из участников действия играет подчиненную роль.

Основанные на парадигматической или селективной (альтернативной) соединимости, семантико-грамматические разряды слов позволяют выделить ряд категорий и выражающие эти категории строевые слова. К числу таких слов относятся: 1) слово или слова, обозначающие предикативный разряд в самом общем виде; для нашего примера глаголов направленного действия это глагол, означающий «двигаться» или «ходить куда-либо», ср. англ. *go*. Такой глагол, выражая в самом общем виде идею движения, способен заменить собой любой из конкретных глаголов движения, входящих в данный разряд, и, следовательно, выполнять функцию слова-заместителя. Кроме того, поскольку в таком глаголе заключена схема валентности любого глагола из данного разряда, постольку он служит образчиком синтаксического поведения таких глаголов. Неслучайно во многих языках глагол типа *ходить* превращается в служебное слово и, наконец, в аффикс (индоевропейское *î* от *îre, -m îama* в аранта и т. д.); 2) идея направленности, лежащая в основе таких глаголов, также является базой для строевых слов и аффиксов. Да и существительное *направление* может служить средством экспликации значения морфологического элемента типа направительного аффикса или предлога и т. д. и их «тяжеловесной», рассматривающей отношение под увеличительной линзой заменой, ср. *к = в направлении на*.

То же относится и к другим семантико-грамматическим разрядам слов. Например, для курсивных глаголов наиболее обобщенным предикатом и, следовательно, заместительным словом будет глагол *длиться*, выражающий идею континуативности как таковую. Поскольку такой глагол не имеет внутренних градаций во времени и его мерой является лишь внешнее время, то к нему приложима лишь мера длительности (как долго?).

Для глаголов с внутренним пределом самым обобщенным предикатом-заместителем будет что-либо вроде *расти, зреть* и т. п. или кауза-

тивные глаголы с этим значением: *дать расти* и т. д. Глаголы этого типа допускают, кроме дополнителя внешней меры, еще и дополнители в значении стадии или меры достижения процесса.

Глаголы с внешним пределом обозначают, как правило, действия. Их обобщенный вариант — это глагол *делать (что-либо)*. Такие глаголы допускают измерение результатов проделанной работы по готовым частям, и, следовательно, при них возможно указание на часть проделанной работы (сколько сделано). Они принимают дополнение части, меры.

Глаголы созидания обозначают действие по созданию какого-либо предмета из какого-либо материала. Самым общим словом здесь будет *созидать* или какое-либо конкретное слово, обобщенное в этом значении (в египетском «гончарить» > «созидать»). Такие глаголы предполагают соединимость с «внутренним объектом», т. е. объектом, который возникает в процессе деятельности, и с вещественным словом, обозначающим материал (ср. лексико-семантические группы фабрикатов, с одной стороны, и обозначений материалов, с другой; ср. также обозначения субъектов-созидателей).

Глаголы придания формы предполагают фактитивное действие, имеющее целью деформировать предмет, ср.: *свернуть бумагу в трубку, пустить дым кольцами, расположить спички в ряд, сложить бумагу в стопку* и т. д. Самое общее слово — [пропуск в рукописи. — *Ред.*]. Дополнения — деформируемый предмет и результат деформации. (Такой глагол тоже фактитивен, но цель действия здесь только видоизменение формы.)

Глаголы материального соединения (типа *склеить, соединить, связать, скрепить, склоть, привязать* и т. д.). Общий глагол — *соединить, сплотить*. Дополнители: соединяемые предметы. Результат — один предмет из нескольких. Следовательно, возможен еще дополнитель — соединенный предмет (*слить все в один стакан* и т. д.). Глаголы материального разъединения — их отрицание.

В заключение отметим, что, говоря о соединяемости слов, необходимо различать вещественную и грамматическую сторону этого вопроса. Нельзя, например, на вопрос «где лежит книга?» ответить *в наперстке, в ушке иголки*, но нельзя по причине вещественного, а не формального порядка. Бессмысленность такого ответа касается не существа вопроса (постановка вопроса вполне правомерна), но самого ответа. Но имеются случаи, когда сама постановка вопроса оказывается неправомерной. Нельзя, например, на высказывание *Книга лежит на столе* реагировать вопросом «кем?», в то время как такой вопрос окажется уместным после высказывания *Книга оставлена на столе*. Синтаксической мы называем сочетаемость только тогда, когда она связана с возможностью постановки вопроса. Синтаксическая сочетаемость обусловлена вещественными, материальными условиями. Если мы не можем спросить «куда?» после высказывания *Книга лежит*, то это объясняется тем, что разные предметы могут сочетаться с предикатами, которые могут быть объединены под названием предикатов покоя и имеют между собой нечто общее, позволяющее отличить их от предикатов движения и пространственного перемещения. Именно эта общая особенность всех предикатов покоя и не позволяет нам ставить вопросы «куда?» и «откуда?», характеризующие валентность глаголов движения. Но сочетаемость слов обусловлена не только логическим классом значений, не только их общими свойствами, но и теми конкретными отдельными значениями, которые входят в состав этого класса. Так, например, на вопрос *Каково это пятнышко?* нельзя ответить *Это пятнышко громкое* или *Этот шум красный*, если не придать прилагательным пере-

носное значение. Здесь сочетаемость зависит не от синтаксических классов, а от классов вещественных, от деления предметов и явлений на оптические, акустические и т. д. Нельзя сказать *Это пятнышко высокое*, поскольку это не соответствует природе плоскостных явлений. Нужно, следовательно, различать классы логические и вещественные. Деление предметов на минералы, растения и животных не есть грамматическое деление, но и оно играет роль при учете сочетаемости слов. И, наконец, еще более существенный момент. Высказывание *Это растение — хвойное* вполне удовлетворяет общим правилам синтаксической и вещественной суппозиции, и тем не менее оно может быть неверным, например, в приложении к дубу, ко всякому дубу. Высказывание *Это столетний дуб* может оказаться неверным в приложении к данному дубу. Именно все эти моменты в их совокупности определяют сочетаемость слов. Предложения воспроизводят не логику, не «чистые формы», а реальную жизнь в ее живом многообразии и диалектике отдельного, частного, общего и всеобщего. Ложность и истинность, осмысленность и бессмысленность предложения зависят не только от синтаксической или логической (всеобщей) валентности, но и от всех других. Синтаксическая валентность самая общая, но именно поэтому она не обеспечивает истинности высказывания сама по себе и нуждается в дальнейшей проверке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.— Л., 1941. С. 200.
2. *Bühler K.* Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934. S. 173.
3. *Эйюби К. Р., Смирнова И. А.* Курдский диалект мукри. Л., 1968. С. 133.
4. *Холодович А. А.* Опыт теории подклассов слов // *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 228—229.
5. *Драгунов А. А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. I. Части речи. М.— Л., 1952. С. 123.
6. *Яхонтов С. Е.* Категория глагола в китайском языке. Л., 1957. С. 43.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВАЛЕНТНОСТЬ **

1. Валентность — это свойство определенных разрядов слов присоединять к себе другие слова. Это свойство было открыто сравнительно недавно. Понятие валентности было открыто в логике в прошлом веке. Термин «валентность» распространился в языкознании с конца 40-х годов. Аналогия с химией.

** Публикуемые в качестве приложения к статье «К понятию типов валентности» заметки содержат в тезисной форме существенные положения теории валентности. Некоторые из них были развиты С. Д. Кацнельсоном в его книге «Типология языка и речевое мышление», в частности, определение и разграничение содержательной и формальной валентности, выделение некоторых типов валентности; другие — уточняются в данной статье (валентность глаголов движения, роль предлогов при определении валентности). В то же время мы находим здесь положения, которые не получили достаточно подробного развития, и, возможно, автор предполагал обратиться к ним позднее. Это замечания о способности слов различных частей речи обладать валентностью (валентность союзов и предлогов), о соотношении содержательной валентности и залогов и др. Все они намечают путь дальнейшего исследования автора, которое должно было синтезировать различные аспекты валентности. Как публикуемая здесь статья, так и эти краткие тезисы содержат в себе ряд глубоких заключений и позволяют по-новому взглянуть на некоторые положения теории валентности.

2. Примеры: глагол *дать, делить, отнимать, снимать (квартиру), разбивать, удивлять, удивляться, писать, искать, разбить (на мелкие кусочки)* и т. д.

3. В а л е н т н о с т ь ю обладают прежде всего глаголы. Но не только глаголы. Ср. имена: *победа советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне, снабжение современных городов водой, награда за заслуги в области здравоохранения* (на ниве народного просвещения и т. д.). Связь таких имен с глаголами. Валентность прилагательного: *красный, ср. враждебный* и т. п.

4. Но не только имена. Валентностью обладают союзы, например, *и* (ср.: *Саша и Коля, писать и читать, но, однако* и т. д.), предлоги (ср.: *под, над, в, из* и т. д.).

5. Количество мест при глаголе [ср. одноместные глаголы: *смеяться, плакать, прыгать, лежать* и т. д.; двухместные: *убивать, находить, ловить, догонять* и т. п.; трехместные: *дать, дарить*: ср. еще *продать, купить, снять (дачу)* и т. д.]. Обычно 2—3 валентности. Никто не говорит: *Я снял дачу на лето в Тразовке по весьма сходной цене у одного мало-семейного хозяина.*

6. Валентность формальная. Расхождения по языкам. Русск. *лечить* управляет вин. падежом, лат. *mederi* — дат., русск. *встретить (кого)*, нем. *begegnen* — дат., но *treffen* — вин.; русск. *завидовать (кому)*, но нем. *beneiden* — вин., ср. в одном языке: русск. *поддерживать (кого)*, но *помогать, содействовать (кому), слушаться и подчиняться; любить (кого), но восхищаться, увлекаться (кем); жалеть (кого), но сочувствовать, соболезновать (кому).*

7. Валентность содержательная: *дать* предполагает агенса, объект давания, адресат давания; *помогать* предполагает агенса (т. е. лицо, оказывающее помощь, лицо, которому оказывается помощь, дело, в котором оказывается помощь), ср.: *Он помогает своим родным* (в прегнантном значении) — глагол двухвалентный. Содержательная валентность = универсальная, формальная валентность = варьирует по языкам, имеет идиоэтнический характер. Предсказать ее трудно.

8. Изменение содержательной валентности глагола свидетельствует об изменении значения, ср.: *Он читает* [= *Он умеет читать* или *Он читает (чем занимается отец)*], ср. выше: *Он помогает родителям* (в специальном значении «оказывать материальную помощь»).

9. Содержательная (универсальная) валентность нечувствительна к залоговым изменениям (она семантична в глубинном смысле), ср.: *убивать и быть убитым* = в равной мере предполагают агенса, о р у д и е, ж е р т в у. Субъект (подлежащее) и валентность. Говоря словами Филлмора, валентность определяется не падежом; а аргументы, функции их «роли». Иногда расхождения могут зайти очень далеко. Ср.: *Ключ открыл дверь.*

10. Глаголы с нулевой валентностью (*зрежит, светает, сквозит* и т. д.). Примеры типа: *У меня машина* = *Я имею машину (есть — глагол быть — иметь).*

11. Семантические типы валентности (глаголы давания и отнимания, глаголы воздействия и т. п.). Но глаголы речи, глаголы знания, глаголы аффекта — иная плоскость. Факультативная валентность глаголов движения. *Идти над обрывом, по асфальту, вниз по улице* и т. п. Связь с предлогами.